

ПРОЛОГ

★ ★ ★

Читатель, я прошу прощенья
За то, что лезу в твой досуг,
За то, что собственным твореньем
Хочу завлечь тебя в тот круг,
Какой не ведом нам с тобою.
Не предсказуемой судьбою,
Её изменчивой игрой
Разведены мы с той порой.
(Увы, не наша в том вина,
Что позабылась старина),
Сплыла, как вешняя вода,
В ушедший дальний век, когда
Престол российский занимала,
Великодушна и мудра
И на язык подчас остра,
Елизавета – дочь Петра.
В её правление сначала
Всех немцев, что страну терзали,
С Двора с позором разогнали.
Повеселел простой народ.
Пусть та же лямка шею трёт,
И та же крепостная доля,
Но волей кажется неволя,
Когда и на самом престоле,
И на его крутом подножье
В мундирах русских и крестах,
Хоть в иноземных париках,
Но всё же – русские вельможи.
На петроградском небосводе
Всходила русская звезда.
И возглавляли рать в походе
Птенцы петровского гнезда.
Во всех углах Руси кондовой,
Где по ночам орал петух,
По воле дочери Петровой
Настырно веял русский дух.

Цесаревна сиротою,
Как крестьянкою простою,
В бывшем княжестве Московском,
В поселении Покровском
В годы юные жила.
Не сказать, чтобы как птица
Белокура чаровница
Беззаботно жизнь вела.
Было радостно дивиться
Красоте её чела.
Царским родом не гордилась,
С поселениями водилась,
В стайке девок заводилой
Интересною была.
На саях зимой каталась
И охотой увлекалась,
Быть царицей не мечтала,
Можно ль это утверждать?
Как в народе говорят –
Кто-то слышал где-то звон...
Недоступен был ей трон,
Хоть и дочери царя.
Грубый, властный граф Бирон,
Что при Анне окопался,
Показала жизнь – не зря
Цесаревны опасался.
И не раз злодей пытался
Из России её сбить.
Цель тогда была у немца:
Хоть лихого иноземца
На принцессе оженить:
– Пусть она вдали пребудет.
Но народ инако судит:
– Ну и что же незаконной
Цесаревна рождена,
Но Петрова дщерь она.
Голова её короной

Быть увенчана должна.
В двадцать восемь лет девица
Стала матушкой-царицей.

Вся была Россия рада,
Всем добро она несла,
По подушному окладу
Облегчение дала.
Смертных казней не терпела,
Высочайше повеледа:
Ссылкой казни заменить,
Тяжких пыток не чинить.
Добрым миром с заграницей
Указала царству жить.
И не зря её любовью
Одарял простой народ,
Потому что с русской кровью,
Если Матушка умрёт,
Будет прерван царский род.

Её славили поэты
И при жизни, и поздней...
Только сказ печальный этот
Поведётся не о ней.

ЛУГОВОЕ

В глухом тамбовском поселенье,
Среди деревьев вековых
Стояло барское именье
Князей известных Луговых,
Знать, присуждённое к забвению.
Давно стояло в запустенье
И вызывало изумленье
Людей дотошных, деловых.
Игрой причудливой природы,
Умом талантливых людей
Капризам княжеским в угоду,
Холопам крепостным к беде
Колдун иль вещей чародей
Воздвиг на солнечном пригорке,
Как говорится в поговорке,
Прелестный, райский уголок.
И в нём таинственный чертог.
Его колонны, балюстрады
Всегда притягивали взгляды,
Извечным таинством маня
Всех тех, кто непомерно падох
До неразгаданных загадок,
В заклятиях дьявола вина.
Себя всё ж убеждая верить
В легенды, мифы и поверья,
Как в те Гоморру и Содом,
Считали для себя подарком
Хоть раз взглянуть на этот дом,
Застывший в одиночьем парке,
Где днями летними не жарко
Под сенью липовых ветвей
Давно разросшихся аллей.
Коль взор нечаянно уронишь
На светлый плёс реки Воронеж
И полноводной, и лесной,
Что плещет мелкою волной,
Ты, очарованный рекой,
Познаешь негу и покой.
И всё, что бережно хранили
Легенды, выдумки и были
Те люди, что когда-то жили,
Не обойдённые судьбой,
Предстанут зримо пред тобой.

Так деды внукам говорили
Про старину, хотя и редко,
Про то, что странная беседка
Возведена далёким предком
В каком неведомо году,
Стоит в запущенном саду,
А может, даже и часовня.
Из кирпича, восьмиугольна,
В простенках узкие окошка
Из разноцветного стекла,
Чтоб яркий луч ярилы-солнца
Не проникал в жилище зла,
Где затхлый воздух не колышет
Годов летящих верениц.
Шатёр остроконечной крыши,
Как отблеск утренних зарниц,
Венчает золочёный шпич.
Заместо русского храма
Был установлен неспроста,
Смущавший ум единовеца,
Стрелой пробитый символ сердца
На полыхающем огне.
Седой садовник по весне
Всегда держался в стороне
От заколдованного схрона,
Где даже мудрая ворона
Не вьёт уютного гнезда,
И мимо обегают звери.
Не знали, верить иль не верить
Ни челядь, и ни господа,
Что неминуемая беда
Ждёт тех, её кто вскроет двери.

* * *

Две сотни лет тому назад
Рассажен был сей дивный сад,
Как повествуется в рассказе,
Давно почившим в Бозе князем,
С войны вернувшимся живым
При покорении Казани,
Сражавшемся на поле брани,
Где не единожды был ранен,
Быв командиром полковым,
С самим царём водившим дружбу,
Теперь, уволенным от службы, –
Илларионом Луговым.
Работы князь не сторонился,
С народом наравне трудился.
В приличном возрасте вполне
Он неожиданно влюбился
И в скором времени женился
Хоть и на бедной, но княжне.
И дела не было важной
Для боевого ветерана,
Чем для княгини, Богом данной,
Его возлюбленной супруги,
Построить лучший дом в округе
Из камня, крепкий на века,
Чтоб виден был издавека,
Как луч морского маяка,
Чтоб был его достоин чести
Его семейный бастион,
Чтоб гости шли к нему без лести.
Так рассуждал Илларион
Под мирный колокольный звон,
Кой разносился над долиной,
И чтоб супруга Катерина
Скорей ему родила сына.
И пусть бежит тогда молва
Туда, где гордая Москва –

Руки и мозг, и голова,
Где летом и зимой морозной
Великий князь и царь вельможный
Иван IV славный, Грозный,
Водитель ратей боевых
Не забывал о Луговых...
Княгиня сына родила,
Но встать с постели не смогла
И через месяц умерла.
Ужасным горем князь убитый,
Царём давно уж позабытый,
Судьбе покорный не простой
Лелеял княжича Павлушу,
Но вскоре отдал Богу душу,
Оставив сына сиротой.

* * *

В краях заброшенной Отчизны,
Запомнив день отцовской тризны,
Князь Павел, грубый и капризный,
Рос не по дням, а по часам.
И к тридцати пяти годам
Со службы царской и суровой
Царя Бориса Годунова
В своё именьё близ Тамбова,
Свободой скорой соблазняясь,
Вернулся возмужавший князь
Уже в годах, но неженатый,
Хоть не красивый, но богатый,
Спешил сыскать себе жену
И непременно чтоб княжну.
С ней продевать свой род могучий
Помог ему счастливый случай.
Из низко нависавшей тучи
С каймой белесой грозовой,
Начался мощный градобой.
В ту пору Павел Луговой
С охоты к дому поспешал,
Но дальше ехать град мешал.
И конь всё чаще оступался,
Бог грома по небу катался
И стрелы молний рассылал
И всё сильнее бушевал.
И князь искал любой защиты
Себе, понятно, и для свиты,
И помощь Бог ему послал,
Никак сам Бог – и не иначе.
(Лишь Он один такое может)
На их пути стояла дача
Почтенных, видимо, вельможей,
Военных или даже статских.
Была та дача Полторацких,
Князей, известных при Дворе.
Вот у распахнутых дверей,
Одетый на манер немецкий
Встречает путников дворецкий
И, обходительный на диво,
С большим почтеньем и учтиво,
Проводит в князевы хоромы,
Где ожидал хозяин дома.
Здесь к Павлу слуги приступили,
Одежду мокрую сменили.
Был рад прозябший гость теплу
И тотчас позван был к столу.
Носили слуги перемены,
Но князь не ел, вина не пил,
Он с дочки княжеской Елены
Своих очей не отводил.
Такой красавицы отменной
Увидеть Бог не приводил.

Её лицом, её походкой
Был очарован Луговой.
Она ему казалась кроткой,
Но с непокорной головой.

Гроза давно уж миновала,
Сквозь тучи солнце засияло,
Природа свежестью дышала,
На землю оседал туман.
Князь отряхнул с себя дурман
И расслаблявшую истому,
Надел подсохший доломан,
Тепло впитавший от огня,
Покинула, голову склоня,
Гостеприимные хоромы.
Вскочил на резвого коня
И поскакал к родному дому.
Забыл о добытом олене
И об охоте в ендове,
О сборе податей с селений.
Лишь мысль о виденной Елене
Как гвоздь сидела в голове.
Жить становилось всё скучней.
И по прошествии ста дней
Решил жениться князь на ней.

Отец Елены, в те мгновенья
Давно покинувший Москву,
С тревогой ждавший разоренья,
Был рад такому сватовству.
И в ожиданье многих благ
Благословил неравный брак.
Нет. Не могла отцу Елена
Открыть всей тайны сокровенной,
Что в сердце девичьем хранила:
Другого пламенно любила
И потому в слезах молила
Сей тяжкий грех не совершать,
Счастливой жизни не лишать,
Не зарывать живой в могилу.
Потом себя же в покаяньях
До самой смерти укорять.
Не внял отец её рыданиям...
Судьбу детей отцы творят.
Понудил дочку к послушанью
И справил свадебный обряд.

* * *

Елена горлинкой бескрылой
В хоромы княжеских жила,
И дом чужой, и муж постылый,
Гнезда она здесь не свила.
Постама плоть свою морила
Да слёзы горькие лила.
Но, маясь в горести, ждала,
Ждала хоть мимолётной встречи,
Когда неожиданно в тихий вечер
Её любимый издалеке
Придёт к ней горе разделить,
Поплакать о судьбе несчастной,
В его объятиях побыть
И жажду счастья утолить.
И он пришёл, презрев беду,
Чтоб ночью встретиться в саду.
Пришедший из округи дальней,
Безвестный сын бояр опальных,
Презрев все кодексы Христа,
Елену ожидал в кустах.
Дождался он свою богиню,
Пусть Бог их встречу бережёт.

Ни он, ни юная княгиня
В тот миг не знали, что их ждёт.
Ещё в сплетенье были руки,
Светились радостью глаза,
Хоть застлала их слеза.
Исчезли всяческие звуки,
И в одночасье мир оглох.
Не слыша соловьёв поющих,
Они витали в райских кушач
Вдвоём. Над ними только Бог.
Тем часом в княжеских покоях
Уже кипел переполох.
Горбунья-карлица, злой гений,
То лёжа ниц, то на коленях
Шептала князю об измене.
Свирепым был во гневе Павел,
Он сострадания не знал:
Схватить любовников заставил
И бросить в каменный подвал.
В подвале их замуровать,
Чтоб не видеть им было неба.
Корец воды и ломтик хлеба
На каждый день лишь выдавать
И никакие просьбы, требы,
В святые дни не совершать.
Чтоб им ни жить, ни умирать –
Умел ревнивый князь карать.
Он не спешил, ему не к спеху.
Их пытку превратив в потеху,
Он растянул на целый год.
А в это время сумасброд
Неспешно мастерил беседу,
В какую, как зверушек в клетку,
Решил влюблённых засадить
И в ней их голодом убить.
Никто не в силах был злодею
При воплощенье той идеи
Бесчеловечной помешать.
Отцу священнику Гордею
Не разрешил их утешать,
Полуживых, полуиставших,
Согбенных, хилых, поседевших
Недавно юных и цветущих
Не пожалел князь, не простил –
В беседу молча поместил,
Замкнул замком и возвестил:
Чтобы грядущие потомки
Во избежанье страшных бед,
На протяженьи тыщи лет
Не перешагивали кромки,
На кою наложил запрет
Своею княжескою властью
И предал вечному проклятью.

* * *

Прошло сто лет, а может, боле...
Жизнь на земле по Божьей воле
Текла изменчивой рекой,
То раздражалась бранным полем,
То повергала мир в покой.
Цари рождались, умирали,
На Бога люди уповали...
Своей полотна жизни ткали
И уходили в мир иной.
И царь Иван, жесток и грозен,
Почил однажды в мирной бозе.
И Фёдор, сын его «блаженный».
И Годунов Борис презренный
Покинул мир святой и бренный.
Тут овладела Русью смута,

Сплошной разбой Москва опутал.
Боярский царь Василий Шуйский,
Готовый за Москву страдать,
Не смог со смутой совладать.
Москва несла большой урон,
Всяк зарился на царский трон –
И обедневшие поляки,
И вездесущие казаки.
Шли одичалые набеги
Поляка шляхтича Сапеги
На монастырь и городки.
Но взять, вишь, руки коротки.
Потом Ажедмитриев убили,
Что смуту на Руси творили,
От всех остались лишь гробы.
Ушёл и Пётр Великий, страдник,
Великий царь, Великий ратник,
Кумир дворян и гольтыбы,
Всю Русь поднявший на дыбы,
Но без наследника оставил
Свою любимую страну,
Свою великую Отчизну,
Которой самовластно правил
Почти что ровно сорок лет.
Его потомки, справив тризну,
Пятнадцать лет «ломали» дом,
С трудом построенным Петром.
Коварный случай и обманы
Во время царствования Анны
К её престолу привели
Бирона Эрнста-Иоганна.
И много немцев Остерманов
На Русь, как волки, набегли.
Они к ней жалости не знали
И без зазрения терзали
Народ, терпевший кабалу.
Они всё русское хулили,
Крестьян налогами зорили,
Доходы меж собой делили,
А корабли в портах гноили.
И все Петровские творенья
Спешили предавать забвенью.
Но время смыло мусор в Лету.
А дочь, достойную отца,
Петрову дочь Елизавету
По сходням красного крыльца
Под мощный колокольный звон
Призвали на российский трон.

* * *

В своём потомственном именье
Сергей Сергеич Луговой,
Красивый, стройный, молодой,
Наследник в пятом поколеньи,
Холопам всем на удивленье
Не появлялся от рожденья.
Но вот случился судный день,
Приспела скорбная минута,
Зловещий рок всё перепутал,
Княгиня-мать занемогла
И вскоре тихо умерла,
Но объявить успела волю
В последнем часе роковым,
Почти убитая недугом:
Лежать ей в склепе родовом
В своём именье Луговом,
В одном убежище с супругом.
Отдав распоряженья слугам
Скорей готовиться в дорогу,
Молился князь усердно Богу,

Хоть путь был к отчему порогу,
Он с грустью Питер покидал.
Своим он в царственных чертогах
(О, нет! Чинов он не искал)
От ранней юности бывал.
Всегда радушно и нестрого
Его по-дружески встречал –
Довольно часто так бывало,
Ни эгоист, ни сибарит
Иван Иванович Шувалов,
Могучий царский фаворит.
В том окружении дворцовом
Был аккуратным, образцовым
Великолепный князь Сергей
И даже с графом Воронцовым
Он был на дружеской ноге.
Бывало, дрался на дуэли,
Но побеждённым не бывал.
Не пропускал он ассамблей,
Был зван на каждый карнавал
И с каждым разом всё смелее
С самой царицей танцевал.
Молясь, бывало, на иконы,
Ворчали старые матроны:
Мол, князь – девический смутьян,
Но все однако были склонны
Запознать его в зятя.
Кому-то выпадет статья,
Когда присплет время оно.
А князь меж тем беспечно жил,
Своей свободой дорожил,
Девицам головы кружил
Кудрявым, тёмным, белокурым,
Но стрелы страстного Амура,
Что тот пускал неумолимо,
Упорно пролетали мимо –
К негодованию княжон
Князь не был ими поражён.
Гвардеец гренадерской роты,
Он службу выполнял с охотой.
Ходил в дворцовый караул
Под сенью царского шатра,
Ведь капитаном этой роты
От самых дней переворота
К великой радости была
И для Руси, и для Двора
Елизавета – дочь Петра.
Когда вчера на пышном бале
В большом дворцовом светлом зале,
Кой Разумовский-граф давал,
Сергей гавоты танцевал,
Не думал князь и не гадал,
Что через день, никак не дале,
Обильно слёзы проливая,
Обоз прискорбный снаряжали
Кареты, брички, экипаж
В печальный, траурный вояж.

* * *

А в Луговом – дым коромыслом.
И тишина, что долго висла
Над барским домом и селом,
Пропала разом за углом.
По дому заметались звуки,
Всё говорилось громко, вслух,
И устали не знали руки
Крестьянских баб и молодух.
Всё мыли, драили, скоблили,
Ковры очистили от пыли,

Чехлы на мебели меняли,
В саду дорожки обновляли,
Сметали тополиный пух,
Что делади довольно редко.
И лишь проклятую беседку –
Аспида-пращура творенье –
Не тронул очищенья дух:
Она осталась в запустеньи,
Все ждали князя с нетерпеньем,
И каждый мнил на свой манер:
Ну вот матроны, например,
Не видя в зависти греха,
С надеждой тайной, без сомненья,
Уже пророчили князька,
Как милам дочкам жениха.
Иной помещик ждёт соседа,
Чтоб насадиться с ним беседой,
Как бывший друг его отца,
Во время званого обеда
Узнать все новости дворца.
В свои вжималась дворня норки,
Давненько не было им порки.
«А ну-ка князь суров и грозен...
Успевши мать похоронить,
Начнёт порядок наводить,
Как тот его далёкий предок.
Ох, навлечёт на нас он беды
И порки нам не миновать.
Всё это скоро будем знать».
И продолжали князя ждать.

* * *

От Лугового в трёх верстах,
Всё в тех же вотчинных местах,
Вблизи от проходившей трассы
Стояло скромное поместье,
Достойное высокой чести
Княгини Запотоцкой Вассы.
В изгибе мелкого долочка
Оно богатством не блистало,
Но у княгини подрастала
Её единственная дочка,
Княжна по имени Людмила.
Природа дочку одарила
Отменной, дивной красотой,
Кристалльной свежестью лица,
Умом пытливым мудреца,
Незамутнённой чистотой,
Как бриллиантом многогранным,
И гибким станом филигранным.
Вот так красавица Людмила
В усадьбе с маменькой жила,
Беспечно время проводила
И перемены не ждала.
Скорей подружку, чем служанку,
Имела юную Татьянку.
Татьяна ростом и фигурой,
Лицом, походкой и натурой
Не отличалась от княжны:
И золотистые кудряшки,
Чело неписаной красы,
Как капли утренней росы,
Как Богом данные двойняшки
Одной утробой рождены,
Миниатюрны и нежны.
И с ювелирной огранкой
Похожи были друг на дружку
Княжна и юная служанка.

* * *

Печальный звон колоколов
Замолк над Луговым именем.
И сорок дней поминовенья
Слились в единое мгновение
Незримо, благостно и немо.
Душа усопшей вознеслась
В сады небесного Эдема,
Где безотчётно предалась
Благоговейному смиренью.

Перечитавши часослов
В канун пресветлого Успенья,
Князь разослал своих послов
По ближним дачам и селеньям
Оповестить о приглашении,
Из-за отсутствия газет,
На званный княжеский обед.
Соседи зову были рады.
Ну как не быть, коли позвали.
Все восторгались от души –
Давным-давно в своей глуши
Они подобного не знали.
На дальних подступах к Тамбову,
В поместье князя Лугового
Кому-то и не ближний свет,
Впервые за десятки лет,
Во что не каждый мог поверить,
Открыты настежь были двери.
С подковой, крытой серебром,
В палаты княжеских хором
Со всех концов везли девиц.
Судьба удачей поманила:
Среди приезжих молодиц
И Запотоцкая Людмила.
Всё для Людмилы было ново:
И женщин модные обнови,
И ярко освещённый зал,
И необычный ритуал
В ней восхищенье вызывал,
Как князь учтиво принимал
Гостей с улыбкою у входа,
Без лицемерья и угоды,
В сей ситуации привычной
С оттенком светскости столичной.

* * *

Носила челядь перемены,
На удивление гостям.
Столы под яствами ломились:
Хрустящей корочкой блестя,
Индеек с утками ложились
Вплотную с тушкою гуся,
И скромно рябчики ютились
Среди молочных поросят.
Здесь рыба свежего улова –
Всё для желудка и души.
Рекой лилось вино в эндовы
И брага пенная в ковши –
Всё было сделано отменно,
Не для показа и хвалы,
Чтоб прелесть княжеской домены,
Младого пятого колена,
Не обрела людской хулы.

* * *

Вот пир окончился. Столы
Холопы мигом разобрали,
И гости покидали зал,
Но час разъезда не настал –

Их сад в свои аллеи звал,
Что яркой свежестью блистал
И даже на исходе лета
Вид яблок «Золото ранета»
Своей окраской чаровал
Всех совершавших променады.
Его предпраздничный наряд
Не достигал ещё предела,
И жизнь во всю дышала в нём.
Созвездьем вычурных кистей
Рябина красная горела
Незатухающим огнём.
И вся природа вождедела
Любви и пламенных страстей.
Среди гуляющих гостей
И Запотоцкая с Людмилой.
Про сад с восторгом говорила,
Как будто встретились с мечтой,
А князя в гости пригласила.

Людмила князя покорила
Умом, фигурой, красотой,
Она как в воздухе парила
И в душу князя привносила,
Того не ведая, покой.
Почти столичные манеры
Благообразны и нежны,
И блеск божественной Венеры
Сливались в образе княжны.

* * *

Исчезли пира отголоски
И все соседские повозки.
В усадьбе пала тишина,
И лишь полночная луна
Плела узорчатые тени
В кустах акаций и сирени
На тропках липовых аллей
И на загадочной беседке,
Что возвели когда-то предки,
К которой подходил Сергей,
Но думы были не о ней,
Все думы были о соседке:
Ужели ждёт его она
И назовёт его ли другом?
Прошло три дня. Четвёрка цугом
Была в карету впряжена.
Рессорный гербовый возок
К любому выезду готовый,
Хотя служил не первый срок,
Однако выглядел как новый.
Косили кони взглядом жгучим.
Постромки туго натянув,
На облучке шалавый кучер,
Шапчонку набекрень столкнув,
В упряжке наводил порядки.
Пришли и встали на запятки
Холопы в новых армяках,
Себя крестами осенили,
Чтоб отогнать напавший страх,
Коней и кучера бранили,
Но вновь покорно становились,
Шепча молитвы и крестясь,
С холопской участью смирясь.
Но вот вошёл в карету князь.
И началась шальная гонка.
Через поля и буераки,
Пластаясь птицей, аргамаки,
Храпя, неслись во весь упор,
А князь в карете как хмельной

Вёл безответный разговор
С ещё невидимой княжной.
Вот миновавши косогор,
Свернув с дороги полевой,
Сминая кустики польони
Седой покрытые пылью,
Повозка въехала во двор.
Навстречу вышедшей княгине
Сергей Сергеич Луговой
С ответным, дружеским визитом
Спешит на красное крыльцо.
В неброских княжеских хоробах
Приятно было погостить,
Он был в восторге от приёма
И пригласил хозяйку дома
Его с визитом навестить.
Клянусь, слова в его устах
Произносились неспроста.
Был потаённый в них намёк.
Догадкой тешилась княгиня,
Вернее верного отныне
Вязаться будет узелок.
Людмила князя приняла
По всем канонам этикета,
Поклон по чину отдала,
По материнскому совету
Была степенна и скромна,
Но, ожиданием полна,
Пугающий сердечный трепет
Утихомирить не могла.
Всё с нетерпением ждала,
Когда и как её приветит
При новой встрече в Луговом.

* * *

Татьяне так хотелось князя
Увидеть, разглядеть вблизи
И, может, даже поразить
Его своею красотой.
С наивной девичьей мечтой
Она пошла садовой тропкой,
Где под густой кленовой кроной,
В тени раскидистых ветвей
Стоял с приятелем бароном
Беседой занятый Сергей.
«О, Бог! Смотри, какая пава
Прошла походкой величавой
Вот этой поперечной тропкой!»
Промолвил шёпотом барон,
Слегка ответив на поклон.
«Она – соседкина холопка,
Что будет нынче на обеде,
Вернувшись к прерванной беседе,
Ответил равнодушно князь, –
И недостойна вожделенья».
Такого явного презренья
Татьяна не могла простить
И поклялась нещадно мстить.

* * *

Погасли сполохи заката,
Дворовый люд ложился спать.
Бабенка-скотница Агата
В утайке не могла сдержать
Свою колючую изнанку.
Так не терпелось рассказать,
Что удалось ей вдруг узнать
Про неизменную служанку
Хозяйской дочери-княжны.
Для дворни всякие важны

Людские сплетни и наветы,
Тем паче – барские секреты.
«Ой, бабоньки, сойти с ума,
Я нынче видела сама,
Как обметала пыль в карете
Холопа, кой считался в нетях
Уж, почитай, семнадцать лет.
Тошдй, тощее не бывает –
Ни дать, ни взять живой шкилет.
Остатни дни, знать, доживает.
И жалко на него смотреть.
Пришёл к княгине с покаяньем,
Просил дозволить умереть
И успокоить свои кости
На старом дедовском погосте.
Ему бы мучиться на дыбе,
Однако барыня простила
И поселиться разрешила
В избёнке умершей колдуньи,
Что пустовала на отшибе.
Там и живёт теперь беглец,
Зовут его, кажись, Касыаном,
И говорят, что он отец
Прислуге барышни – Татьяне».

* * *

Тонка была перегородка
В жилой для челяди избе,
Весь сказ прослушала сиротка.
И об отце и о себе,
Чего не знала много лет.
Вдруг помутился белый свет,
А под ночной её рубашкой
Мороз по коже и мурашки
И в голове кошмарный бред.
Что будет, ежели узнает
Княгиня этот разговор,
И что отец Татьяны – вор.
Она нещадно покарает,
Во гневе удержу не знает,
Прилюдно бросит на позор,
Потом сошлёт на скотный двор.
А там, в жару и на морозе
(Святая дева, сохрани!)
Копаться вилами в навозе
С утра до вечера все дни.
За что мне это наказание
И за какие мне грехи
Идти безвинной на закланье...
Но вот отпели петухи,
Ярило землю осветило,
Дохнуло свежестью весны,
И, как всегда, явилась Таня
В светёлку барышни-княжны.
Исчезла жуть прошедшей ночи
И с ней следы горючих слёз,
Она по-прежнему хлопочет
Над заплетеньем русских кос
И шелковистых, и упругих
На зависть девам всей округи.
Так мнила юная Танюша,
Стараясь быть ещё нежней,
Свою всё отводила душу
В потоке суматошных дней.

* * *

Не спитс я вновь Татьяне ночью,
Кошмары чудятся ей вновь.
Отец не хочет встречи с дочкой
Свою в ней отвергает кровь.

Такая жизнь невыносима
И, неизвестностью гонима,
Решила испытать судьбу,
Сходить в ту дальнюю избу.
От этой тайны изнывая,
В великом страхе пребывая,
В полночный неурочный час,
Когда и лунный свет погас,
В разгуде ведьминых проказ
И колдунов с нечистой силой,
Перекрестив себя и ночь,
Ушла она с подворья прочь,
Куда ни разу не ходила
И где ни разу не была,
На ту околицу села,
В саженьях от лесной опушки,
Где в покосившейся избушке
Её родитель проживал,
А, может быть, и умирал.
Но, несмотря на поздний час,
В избёнку дверь была открыта,
Где в свете гаснущей лучины,
Чьи угли падали в корыто,
Сидел стареющий мужчина,
В свои весь погружённый думы,
Худой, согбенный и угрюмый,
Заросший жидкой бородой,
Давно не стриженной, седой.
Почти истлевшая драгина
Скрывала согнутую спину.
Не открывая тяжких век,
Сменил в держателе лучину.
Похоже было – человек
Судился с собственной кручиной.

Татьяна, стоя у порога
Лачуги старой и убогой,
Молила милости у Бога,
Чтоб дал он силы ей чуть-чуть
Через порог перешагнуть
И броситься к отцу на грудь,
Чтоб умилительно прильнуть
К родимой и желанной плоти,
Забыв о страхе и заботе,
И побывать хотя б на миг
В отраде детства небылого.
Но холоден отцовский лик
И почему-то смотрит строго.
– Ну, что стоишь, как столб воротный?
С какой нуждой сюда пришла?
Коль ищешь зелий приворотных,
Впусте. Все тайны ремесла,
Боясь допросов околотных,
С собой колдунья унесла.
– Ну, ладно, я тебя признал.
С тобой я встречи не искал,
Разлукой нашей не страдал:
Не потому что я беглец –
На этом свете не жилец,
Тебе я, девка, не отец,
Поскольку не был мужем Груше.
Ты растревожила мне душу,
Я столько лет в бегах страдал
И ничего про вас не знал.
Как драгоценный камень лал,
Носил в душе я имя «Груша».
Ну так и быть. Входи в избу.
Закрой притвор, садись и слушай
Мои мытарства и мольбу:
Найти волшебную лазейку,

Перехитрить судьбу-злодейку,
Её проказы отвести
И тайный выход обрести
Из заколдованного круга,
Из замороченных сетей
Искал я много лет и дней,
Но не нашёл я тех путей.
Так вот, о матушке твоей:
Она у бар была прислугой,
Любили с нею мы друг друга,
Мечтал иметь её супругой,
Чтоб жизнь семейную начать,
Но этим князю докучать
По младости своей стеснялся.
Но хитрый барин догадался
И непременно обещался
Нас в ту же осень обвенчать.
Мне так хотелось повстречать
Её одну в укромном месте
И поделиться доброй вестью.
Шальным я бегал по поместью,
Не мог на месте я стоять,
Не в силах был тогда унять
В груди мятущуюся душу,
Но что я вижу, встретив Грушу?
Она – как будто не она,
Не рада встрече и грустна,
В невнятной скорби и утрате
Не приняла моих объятий,
В каком-то страхе отстраняясь.
Когда услышала, что князь
Сам к алтарю нас поведёт,
Надрывно Груня зарыдала
И откровенно рассказала,
Что силой князь её берёт
И что беременною стала,
Его под сердцем носит плод.
Полез я в гневе на рожон,
На князя бросился с ножом,
Чтоб за бесчестье отомстить.
К несчастью конюхи-верзилы
Смогли меня перехватить.
Потом плетью нещадно били
Да так, чтоб встать уже не смог,
В амбар холодный заточили,
На дверь повесили замок.
Мне повезло. Связать забыли,
Тем самым подарили прок...
Очнулся я глубокой ночью.
Гроза на воле, гром грохочет,
С небес сорвался ураган,
Во всю стихия бушевала
Качался мой острожный стан,
С амбара крышу вдруг сорвало,
Стенные плахи разметало,
Меня на воздуси подняло,
Как полусгнивший дряблый дрын
И перебросило за тын
На раскуроченные плахи.
В крови, в разодранной рубахе,
Переживая боль и страхи,
Когда рванула хлябь с небес,
Направился я в ближний лес.
И много дней я в нём плутал,
Покамест замертво не пал,
Ногой запнувшись за корягу.
Наткнулись люди на беднягу,
В глухие дебри унесли,
От злой погIBEЛИ спасли.
В свою разбойничью ватагу

Охотно приняли меня
И в сотоварищи, и в братья.
Вот так и стал я, девка, татем.
В бегах я был семнадцать лет.
И для тебя уж не секрет, –
Родства меж нами вовсе нет.
Судьба его нам не судила.
– Но мне так хочется узнать, –
Татьяна шёпотом спросила, –
Куда моя девалась мать
И то, какой она была?
– Она красавицей слыла
И, говорят, как родила,
Так Богу душу отдала.
Навечно в райскую обитель
Призвал бедняжку небожитель.
Неизмерима Божья милость –
В те дни ещё одно свершилось:
Княгиня дочкой разрешилась.
Обескураженный родитель
Решил не заводить содома,
Забрал дитя в свои хоромы,
Ан, вскоре хворь его скрутила,
Но прежде, чем уйти в могилу,
Любитель сладостных утех
Пытался замолить свой грех.
Боятся сильные вельможи,
Что совесть их в гробу изложет,
Он, находясь на смертном ложе,
Заставил юную княгиню
Под страшной клятвой на кресте
Держать в потае от властей
Происхождение малютки...
Буквально на вторые сутки
Распродал в дальнюю округу
Людей дворовых и прислугу,
Не пощадив и конюхов.
За счётном княжеских грехов
Почти до третьих петухов
Во тьме погаснувшей лучины
Шептались девушка с мужчиной.
О чём?
То ведал только Бог.

* * *

Упрямый, смелый, волевой,
Сергей Сергеич Луговой,
Меняя вековой уклад,
Решил облагородить сад:
Наперекор шальному предку
Открыть злосчастную беседку,
Внутри почистить и помыть,
Чтоб вечерами чай в ней пить.
Об этом он сказал Людмиле,
Когда пред нею проходили,
Наверняка она пуста,
Да и не та уже эпоха,
Ведь со времён царя Гороха
Стоит постройка без креста.
Вдруг за беседкою в кустах
Раздался жуткий дикий хохот.
Перепугавшейся Людмиле
Сергей сказал: – «Так это филин
Добычу поджидал в засаде
И, упустив её, в досаде

Он недовольно прокричал».
(Увы, не знала молодлица,
Что филин-то – ночная птица
И на охоту выходила,
Когда мир добрый засыпал).
– А ну как сам далёкий прадед
Про свой запрет напоминал
Из глубины своей могилы, –
Дрожая, промолвила Людмила.
– Я, чаю, это только миф,
Простая выдумка, легенда, –
Спокойно князь ей говорил. –
Нет веры в мощь загробных сил.
И вот я, здраво рассудив,
Решился: буду открывать
И приказал уже созвать
Народ и сельский, и дворовый,
Чтоб снять при всех замок пудовый,
Висящий на её дверях.
В тот день и слесарь, и священник,
Народ, стоявший на коленях,
Пытались князя умолять
Дверей беседки не вскрывать,
Но тщетны были уговоры.
Отбросив ржавые запоры,
Пробив распахнутый притвор,
Туда ворвался лучик света.
И все искавшие ответа
На правду или наговор,
Увидев подлинность завета,
Глубоким ужасом зашлись:
В углу беседки два скелета,
О спинку лавки опершись,
В едино целое сплелись.
Сидеть бы эдак им в веках,
Но от воздушного движенья
Невозмутимые виденья
Рассыпались мгновенно в прах.

В именье Вассы суматоха
Как по команде замерла,
Когда замолк колёсный грохот,
И в белой пене удила
Грызть перестали рысаки,
И искры выбивать – копыта.
То прибыл князь с богатой свитой
Просить Людмилиной руки.
Людмила радость не скрывала,
Она лукавить не могла
И с нетерпением ждала,
С необъяснимым упоеньем
Его приезда с предложеньем,
Чтоб в унисоне двух сердец
Пойти с любимым под венец.
И вот свершилось, наконец.
В покои матушки-княгини
Явился свадебный гонец.
О чём-то долго толковали –
Не должно там невесте быть.
Часы томленья миновали,
К посольству свадебному звали,
Чтоб ей решенье огласить
О завершённом договоре.
Но вот помолвка совершилась,
Людмила в грёзы погрузилась,

В волшебный омут заревой.
И как мечталось, всё сложилось:
Ей быть княгиней Луговой.
Венчанья сладостный обряд
Она с волнением ожидала,
Тайком в светёлке примеряла
Невестин свадебный наряд.

★ ★ ★

Ещё рассвет не занимался,
А князь уже был на ногах,
В одежды споро облачался
И принимался за дела.
В зелёном бархатном камзоле,
В шевровых лёгких сапогах,
В бекеше тонкого сукна.
О скором свадебном застолье,
Припасах мёда и вина
Он звал к докладу тиуна.
Но тут в покои сам не свой
Вбежал без спроса вестовой:
«Беда, беда, какая страсть
В Зеленовражеском стряслась –
Княгиню тати загубили.
Её с Татьяной зарубили!
– А что Людмила? – крикнул князь.
– По воле Господа спаслась.
Спаслась она буквально чудом,
Её наши в кустах у пруда,
Лежала там в ночной сорочке,
Простоволосой и босой
В траве, усеянной росой.
От страха или от простуды
Была белее полотна,
В светёлку девичью покуда
Была доставлена княжна.

– Коня! – воскликнул князь, – коня!
И не мешкотно, а проворней!
Ещё и дюжине из дворни
Быть под рукою у меня.
Ну, как тут было не опешить
Людмиле от таких страстей,
И князь спешил её утешить,
Прижать её к груди своей,
Чтоб обрела она опору
В перевернувшейся судьбе
И в общей Господу мольбе
Вдохнуть толику утешенья.

Стрелой взлетел он на гнедого,
Нажал до боли шенкеля,
Сверкнули искрами подковы
Разгорячённого коня.
В уделах древлего Сварога
Скауна пластался над дорогой
В шальном алюре рысака,
А от горячего дыханья
В поту – и шея, и бока.
Как ветер мчал без понуканья,
Не ощущая седока.
Остановился конь крылатый
Уже у княжеских ворот.
Поводья бросив коноводу,
Сергей в знакомые палаты

Без приглашения идёт,
Людмиле руки подаёт,
Стремясь привлечь её в объятия,
Отвлечь от тяжкого несчастья,
Чтоб в нём опору обрела.
Она же взглядом отчуждённым,
Ночным виденьем измождённа
Его порывы отвела,
Своей руки не подала
И безучастная ушла.
Сейтивший взгляд, холодный тон...
Сей переменной удивлённый
Князь был настолько поражён.
Обескуражен этой встречей,
Почти лишился дара речи,
Но в то же время понял он,
Её как непосильно бремя,
И что от стресса и от боли
Её излечит только время.
Отдав приказ своим холопам
В лесу разбойников искать,
А такмо в близлежащих лесах,
И изловив, тотчас повесить
На подвернувшейся сосне
Иль на суку сухой берёзы,
А сам, удерживая слёзы,
На отдохнувшем скакуне,
Плохим предчувствием объят,
Спешил под сень своих палат.

★ ★ ★

Живя затворницей в светлице,
Обряды справивши сполна,
Всю чашу горькую до дна
Решила допивать в столице,
Переживать свою беду
И быть самой с собой в ладу
Под покровительством царицы.
Чтоб залечило время раны,
Молитвы богу неустанно
Усердно будет приносить
За ужас, что перенесла,
Душе девичьей в утешенье.
К такому твёрдому решению,
Она, оправившись, пришла.

★ ★ ★

Звенел колокольчик уныло,
Затягивал душу узлом,
Когда покидала Людмила,
Сходя по ступенькам крыльца,
Места, где жила и любила,
И холмик над свежей могилой,
Что матушку Вассу сокрыла,
И крест над могилой отца.
Слезую горючей Людмила
Родные могилы омыла
И тёплый родительский дом.
Как тяжело покинуть ей корни,
Что предками здесь возданы.
Печалились люди из дворни
О доле несчастной княжны.
Жалея за нрав её кроткий,
Богатой, но всё же сиротки,
С какой ни возьми стороны.

И в грех они ей не вчинили,
Молва осужденья бежит,
За то, что не вышла к могиле,
В которой служанка лежит.
Безродная девка Татьяна
Была у Людмилы служанкой.
У чада – живою игрушкой,
Потом закадычной подружкой,
Своим человеком в покоях,
Но всё же холопкой, слугою.
Над прахом убитой Татьяны,
Безродной, с судьбою туманной,
Безвестной отцовской кровинки,
Как скошенной в поле былинки,
Не пролил никто ни слезинки
Во имя Иисуса Христа.
Могилка её в запустенье –
Ни камня на ней, ни креста.
Витает над нею забвеньё
И глохнет, как ветер в кустах.

* * *

В столицу цугом из саврасых
Людмила, кучера браня,
Въезжала на исходе дня.
Там ждали дядя-братец Вассы
И садом скрытый особняк.
В именье прожитые годы,
Где чернь водила хороводы,
Ей было больно вспоминать
За то, что не могла познать
Последней из Парижа моды,
Что знает весь столичный свет.
На то был маменькин запрет,
Теперь дала себе обет
Жить в этом домике укромном
Не на виду у всех, а скромно.
Зелёный садик и светёлка
Вместят в себя благой уют
И оградят её приют
От непочтительной и колкой
Людской неправедной молвы.
Ей так и мнилось. Но... Увы,
Град Петергоф и галереи
Балы, театры, ассамблеи,
И маскерадный блеск речей
При разноцветье аксельбантов
Неотразимых адъютантов
В салонах знатных богачей,
Где свет бесчисленных свечей
И белых вычурных ночей
Аж от заката до утра,
Бледнел от блеска бриллиантов
В дворцах Шувалова Петра
И малороссов Разумовских,
Возможно, в тысячи карат,
Где не подсчитывали трат,
Как было у дворян тамбовских
И у Нарышкиных московских.
И верой в силу их полна
Была уверена княжна,
Что даже через сотни лет
Носители алмазных мет
Всё в том же ранговом наборе
Пребудут у царей в фаворе.

* * *

Тянулись дни мучительно и нудно,
Переходя в глухие вечера,
Тогда ушкуйник, сидя у костра,
Переживал порыв свой безрассудный
И страшные удары топора,
И гнев неостывающий загрудный.
Уж он свою потешил душу,
Сумел жестоко отомстить
И за возлюбленную Грушу,
И за треклятую всю жизнь.
«Опять я сделался изгоем,
Опять с законом на ножах.
И промышлять опять разбоем,
От стражи прятаться в лесах».
Такая жизнь мне не впервой, –
Так вёл беседу сам с собой
Не разминувшийся с судьбой
В лесном тамбовском бездорожье
Скиталец не по воле божьей.
Однако, что ни день, тревожным
Он ощущеньем обрастал,
Уж не один шалааш порожним
В лесных урочищах встречал.
И ни одной былой ватаги,
Хотя облазил все овраги,
Он на пути не отыскал.
К востоку шёл он трудно, долго
И, наконец, пришёл на Волгу,
На кручи волжских бережков,
Где чаял разыскать дружков,
Свою разбойную дружину.
Глядел с утёса на низину,
Но озирал не ту картину
В переменившейся округе:
Пахали волжскую стремнину
Баржи купецкие и струги.
Не слышал он и перекаичку,
Рождавший страх «Сарынь на кичку!»
Поизвели царёвы стражи,
Люд самый корень извели
Лихих разбойничьих ватажек,
И опустели Жигули.
От бесшабашного разбоя
Померкла волжская краса.
Опять в тамбовские леса
Он брёл неторною тропею.
Вносил опаску крик сорочий,
Ещё тревожней стали ночи
Ещё тревожней были сны.
Тела княгини и княжны
Являлись взору. Лишь дремотой
Потянет в сонное болото
И веки вяло западут,
Виденья эти – тут как тут.
Не утихают их стенанья.
Они отмщенья явно ждут
И вопиют о покоянье.
И было. В полуночный час
В тревожный погружаясь сон,
Он слышал колокольный звон
И незнакомый твёрдый глас:
Не будь во вред себе упрямым,

«Не хоронись в лесной глуши,
Сними все тяготы с души,
Неси ответ за кровь невинных»...
И он пошёл к властям с повинной.

* * *

Куртаги матушки-царицы,
Красоты северной столицы
На берегах Невы и Мойки
Переменяли быт девицы,
И результаты перекройки,
И восприятие новизны
Кружили голову княжны.
Прелестный образ чаровницы
На фоне пасмурных небес
Всё чаще заполнял страницы
Больших пиитов и повес,
И потихоньку небылицы
Над быльё брали перевес.
Княжне всё это облегчало
Перенесённый ею стресс
И неуклонно разжигало
К любовной страсти интерес,
И к туалетам из Парижа,
И к устройению интрижек,
Чтоб искру пламени зажечь
У жаждущих интимных встреч,
И слушать пылкие признанья
В любви к шедевр мироздания,
К её небесному созданию,
К её ланитам и очам,
Но оставаться безразличной
К обворожительным речам.
Меж тем всё чаще по ночам
В порыве страсти и отваги
Звенели в поединках шпаги,
Чтоб разрешить несудный спор:
Кому её был послан взор
И обольщающий, и страстный.
Увы, не ведал ухаждёр,
Что их дуэль была напрасной,
Свою напрасно лили кровь
За неотвечную любовь.
Однако нимфа красоты,
Принадлежа к аристократам,
Любила свежие цветы
С невероятным ароматом...
Коли б ей знать, что это – фатум.
Коли бы знать, что ароматы
И алых роз, и белых калл,
С добавкой веток резеды,
Что ей поклонник засылаал,
Большой трагедией чреваты,
Могла бы избежать беды.
А дыхатель грезил счастьем,
Носил цветы ей вновь и вновь,
Он полагал, что те добавки
Из зелья от ведуньей травки
Воспламяют в Людмиле страсти
И зародят к нему любовь.

* * *

Из уст в уста переходила
Лихая весть в тот день с утра

О том, что в городе Петра
Княжна Потоцкая Людмила
В расцвете юности и сил
В смиренной бозе вдруг почила,
Как будто кто-то погасил
Почти взошедшее светило
Ещё в не вспыхнувших лучах.
И горечь искренне сквозила
В неутешительных речах.

* * *

Куранты восемь отбивали,
Им счёт кукушечка вела.
Кухарки завтрак собирали
И сутились у стола.
Блюда в посуде остывали.
Людмила всё ещё спала.
Её, быть может, к пробужденью
Не допускали сновиденья.
Девичий сон, как блеск зарницы,
Как в белоцветье ранний сад,
В девичьем сне – улыбку принца,
Его влюблённый, нежный взгляд
Поймать – волшебные мгновенья,
Чтоб окунуться в наслажденье
И в белом танце закружить...
Вдруг потерять при пробужденье,
Всё то, что было очень близко.
Уже в руках был Божий дар,
Так рассуждала камеристка
И не спешила в будуар...

Непредсказуемо, неожиданно
Нечестным связанным узлом
На миг сошлись обман с обманом,
Чтоб разрешиться новым злом.
И быть тому – оно свершилось,
И всё коварство, что тайлось,
Своим открылось чередом.
В тот час Людмила не спала,
(Как камеристке показала),
Княжна молчала неспроста:
Её душа уже стучалась
На небе в райские врата.

* * *

Когда у траурного ложа
В соборе Павла и Петра
Под сенью купола-шатра,
Как у погасшего костра,
Сошлись столичные вельможи
И городской элитный свет,
У врат свершивши подаянье
Слепым каликам-перехожим
В размере медного гроша...
Сошлись с покорным упованьем
Скорбеть в минуты отпеванья
О той, чья юная душа
Предстала перед ликом Божьим.
Стоит с поникшей головой
Сергей Сергеич Луговой

У гроба, тцхсь постигнуть суть:
Зачем одна в последний путь
Ушла, откуда не вернуть,
Откуда в мир не возвращают?
Его растерзанную грудь
Рыдания глухо сотрясают.
И боли не было предела.
Он продолжает сожалеть,
Что был не в силах отогреть
Её души оледенелой.
И вот она уж в домовине,
Ещё не скрытая доской,
Душа её в небесной сини
Извечный обретёт покой.
С неодолимою тоской
Стоит у гроба он согбенный,
С неё не сводит слёзных везд.
Ни шелест пасторских одежд,
Ни звона траурные звуки
Его не облегчают муки
И боль несбывшихся надежд.
Уже монах возжёт кадило,
Затихли шёпоты речей,
Лишь тень по росписям скользила
От разгоравшихся свечей.
Вот-вот начнётся отпеванье –
Обряд на вечное прощанье –
С красивой, нежною девицей,
Подобной утренней зарнице,
Что ярко вспыхнула в столице
Новорождённая звезда,
И вдруг погасла навсегда.

От дуновения кадила
В руке покойной накренилась
Свеча. И светом озарила
Все пальцы на руке Людмилы.
И в лоне церкви в тот же миг
Раздался истеричный крик:
– Мизинчик, ноготок, о Боже!
Ну до чего они похожи...
Не различимы близнецы,
Но всё ж небесные творцы
Значком Татьяну наделили
И на мизинчике скосили
Едва заметно ноготок.
О! Мать Божья, нету силы...
– Тушите, батюшка, кадило!
Не оглашайте свод страстей.
В гробу пред нами не Людмила –
Змея, преступница, служанка,
Исчадь ада, самозванка.
Готов поклясться на кресте,
Что лишь вот здесь её обман
Открыл в часы поминовенья.
Я польский дворянин Богдан,
Но православный по крещенью.
Застыли все в недоуменье.
За оговор и оскорбленье,
За дерзость и за сущий вздор,
Навлёкший на княжну позор,
Заговорил священник гневно:
– Покинь немедленно собор.

Была и будет безабвенной
Княжна. А злостный наговор...
Но в этот миг вошёл в собор
Неумолимый прокурор,
Имевший недоступный нрав,
Сказал: нет, отче, шляхтич прав.
Я, грешный, тоже это знал,
Но вот, поди ж, не разгадал
Её кощунственные бредни,
Умела ведьма обольщать –
О том поведал мне наемни
Явившийся с повинной тать,
Что промышляя, подлец, разбоем.
И, сговорившись, эти двое
Свершили непомерно злое.
И надо быть бы им обоим
С петлёй на шее под глаголем.
Отрава стала ей наградой,
Но лучше было бы судить.
Убийцу эту схоронить
Без отпеванья за оградой,
И без могильного креста.

* * *

Не мог Сергей, как ни старался,
Служить, как прежде, при Дворе.
Во снах в полуночной поре
Ему всё чаще появлялся
Сокрытый тёмною могилой
Печальный лик его Людмилы
И звал настойчиво к себе.
Покорный выпавшей судьбе,
Промозглым утром в октябре,
Прощаясь с взбалмошной Невою
Уже в морозном серебре,
Переводил прощальный взгляд
На Эрмитаж и летний сад
И диспут вёл с самим собою:
– Зачем спешу я в Луговое
И покидаю стольный град,
Ужель бегу как с поля боя,
Вдрызг перепуганный солдат?
Моя душа, как птица в клетке,
В смятенные выходы не зрит,
В огне без пламени горит,
Нешадно ноет и болит.
Зачем коней в галоп вгоняю,
Зачем свою терзаю грудь,
Зачем Всевышнему пеняю
За то, чего уж не вернуть.
И почему я, как в тумане,
Тропы не ведаю, кружу.
Запутан я в двойном обмане
И мнится мне, что подхожу
К очередному миражу.
Ни от кого не жду совета.
В собольей шубе, как раздетый,
Всё тщился что-то разгадать
И почему-то торопился,
И всё боялся опоздать.
В лучах багряного заката
Под мелодичные раскаты,
Что возносил на небосклон

Вечерний колокольный звон,
Въезжал он в отчие пенаты.
Светлы, натоплены хоромы,
Лакейский искренний восторг,
Но в стенах собственного дома,
Перешагнув родной порог,
Не отрешился от тревог.
Все думы были о Людмиле.
Он думал тягостно о том,
Что не в своей она могиле
И в одеянье не своём,
Сокрыта под чужим крестом,
Увы, душа её стенает
Хотя уж некого винить
И с высоты небес взывает
Несправедливость устранить.

Он всё как надобно устроил,
Своей слезою у могилы
Омыл он дух и честь Людмилы
И под земным холмом чертог,
Где убиенные почали.
С одним смириться он не мог:
За что невинных погубили,
Его с любимой разлучили?
И то, что тати совершили,
И их кощунственный подлог.
Он всё по-божески устроил:
Покойных прах соединил,
А у надгробия могила
Часовню дивную построил,
Чтоб каждый, кто в неё входил,
Взирая лики чудотворных,
Был чист от помыслов греховных

ЭПИЛОГ

Окончив скорбные труды,
Он завершил свои заветы.
Уже кончалось бабье лето,
И отплодившие сады
С листвою зеленой расставались,
В пурпур с багрянцем одевались.
И летней роскоши следы
Листовой опавшей укрывались.
Закат осенний догорал,
Лучами-стрелами играя,
Полутонами освещая,
Он постепенно погружал
В предсонье оголённый сад.
Князь, о своей судьбе гадая,
Свершал вечерний променад.
Ходил бесцельно, наугад,
В прошедшем мысленно блуждая,
Гасил в своей душе разлад.
Взирая дальние зарницы,
Он возвращался к небылицам
И к тем преданиям седым,
Теперь растаявшим, как дым.
Истлели клятые страницы,
Прошла лихая череда,
Он возвращается в столицу
И безвозвратно, навсегда.

А образ миленькой соседки
Сотрут грядущие года.

.....
Как оказался у беседки,
Что диким мохом обросла
И столь несчастий принесла,
С тех пор, как срезал он замок,
Он объяснить себе не мог:
«Знать, за неверие в зарок
И противленья суеверью
Хранилось зло за этой дверью
И для княжны, и для меня».
Так, предка давнего кляня,
Пытался он найти ответ,
Постичь подспудные причины,
За что карать людей невинных
Спустил почти что двести лет.
Обуреваемый сомненьем
В деяньях Божьих и мирских,
Смотрел на голые березы,
Как на свидетелей немых
И воскрешал бывлые грёзы
Последний отпрыск Луговых.
От ветерка качнулась ветка,
Разорвала раздумий вязь.
Очнулся от иллюзий князь,
Все наваждения отринув,
Он видит новую картину:
Пред ним замшелая беседка,
Как прежде в зарослях кондовых.
Закрыта дверь. На ней замок
Всё тот же ржавый и пудовый,
А на ступеньке призрак предка
В нетленном саване стоит.
И глухо, как из подземелья,
В ушах наследника звучит:
– Ты покусился на запрет,
Который мной на тыщу лет
Для вас положен был, потомки.
Переступить заклантой кромки
И убирать с дверей замок...
Я заклинал совсем не даром,
Тот срок заклатья не истёк.
Ты сам себе накаикал кару
И все несчастья навлёк...
Исчезло призрака виденье,
Как опахалом дуновенье
Коснулось князева чела,
А за спиной из-под камня
Змея аспидная ползла.
.....
Переживала Русь знаменья,
Менялись флаги и гербы.
И вот, по прихотям судьбы,
И Луговых князей именье,
И близлежащий окоём
Давным-давно зарос быльем,
И лишь беседка из легенды,
Вживаясь в нынешние бренды,
Стоит на том же самом месте
И днесь видна из всех предместий.